

Николай Бердяев

**Истоки и смысл русского
коммунизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Б48

Б48 **Бердяев Н.**
Истоки и смысл русского коммунизма / Николай Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 120 с.

ISBN 978-5-458-03454-8

Николай Александрович Бердяев - русский философ-идеалист, еще при жизни ставший одним из наиболее популярных русских мыслителей, широко известным не только в России, но и в Западной Европе. В простой и ясной форме он выразил главные тенденции русской философии, зародившиеся в творчестве Чаадаева, славянофилов и Достоевского. В работах Николая Бердяева получило наиболее адекватное и полное выражение своеобразие русской философской традиции.

ISBN 978-5-458-03454-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Николай Бердяев
Истоки и смысл русского
коммунизма

Введение

Русская религиозная идея и русское государство

I

Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет.

Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства. Слишком огромными пространствами приходилось овладевать русскому народу, слишком велики были опасности с Востока, от татарских нашествий, от которых он охранял и Запад, велики были опасности и со стороны самого Запада. В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию. Неверно было бы сказать, что Россия страна молодой культуры, недавно еще полуварварская. В известном смысле Россия страна старой культуры. В киевской России зарождалась культура более высокая, чем в то время на Западе: уже в XIV веке в России была классически-совершенная иконопись и замечательное зодчество. Московская Россия имела очень высокую пластическую культуру с органически целостным стилем, очень выработанные формы быта. Это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства. Московская культура вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям. Но в Московском царстве очень слаба и не выражена была культура мысли. Московское царство было почти безмысленным и бессловесным, но в нем было достигнуто значительное оформление стихии, был выраженный пластический стиль, которого лишена была Россия петровская, Россия пробудившейся мысли и слова. Россия мыслящая, создавшая великую литературу, искавшая социальной правды, была разорванной и бесстильной, не имела органического единства.

Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. Душа русского народа была формирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов. Но в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины.¹ У русских «природа», стихийная сила, сильнее чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры. Элемент природно-языческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента –

первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный дionизм и христианский аскетизм. Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, ширина. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик. Русские историки объясняют деспотический характер русского государства этой необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины. Замечательнейший из русских историков Ключевский, сказал: «Государство пухло, народ хирел». В известном смысле это продолжает выть верным и для советского коммунистического государства, где интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства.

Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты. Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками-стараобрядцами, и тогда, когда в XIX веке они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу.

После падения Византийской империи, Второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ – единственный носитель православной веры. Иноч Филофей был выразителем учения о Москве как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: «Третьего нового Рима – державного твоего царствования – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи.

Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи Москвы – Третьего Рима произошла острые национализация церкви. Религиозное и национальное в московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древне-еврейского народа. И так же, как юдаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию.

Но религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль. Московское православное царство было тоталитарным государством. Иоанн Грозный, который был замечательным теоретиком самодержавной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души. Интересно отметить, что в московский период в русской церкви было наименьшее количество святых. Лучший период в истории русской церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима и в ней был сильный социальный элемент.² Вселенское сознание было ослаблено в русской церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил свое православие, перестали смотреть как на истинно православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческие влияния воспринимались народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство. Православная вера есть русская вера, не русская вера – не православная вера.

Когда при патриархе Никоне начались исправления ошибок в богослужебных книгах по греческим образцам и незначительные изменения в обряде, то это вызвало бурный протест народной религиозности. В XVII веке произошло одно из самых важных событий русской истории – религиозный раскол старообрядчества. Ошибочно думать, что религиозный раскол был вызван исключительно обрядоверием русского народа, что в нем борьба шла исключительно по поводу двуперстного и трехперстного знамения креста и мелочей богослужебного обряда. В расколе была и более глубокая историософическая тема. Вопрос шел о том, есть ли русское царство истинно православное царство, т. е. исполняет ли русский народ свое мессианское призвание. Конечно, большую роль тут играла тьма, невежество и суеверие, низкий культурный уровень духовенства и т. п. Но не этим только объясняется такое крупное по своим последствиям событие, как раскол. В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист. Народное православие разрывается с церковной иерархией и с государственной властью. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет Град Китеж. Возникает острое апокалиптическое сознание в левом крыле раскола, в так называемом беспоповстве. Раскол делается характерным для русской жизни явлением. Так и русская революционная интеллигенция XIX века будет раскольничьей и будет думать, что властью владеет злая сила. И в русском народе и в русской интеллигенции будет искание царства,

основанного на правде. В видимом царстве царит неправда. В Московском царстве, сознавшим себя Третьим Римом, было смешение царства Христова, царства правды, с идеей могущественного государства, управляющего неправдой. Раскол был обнаружением противоречия, был последствием смешения. Но народное сознание было темным, часто суеверным, в нем христианство было перемешано с язычеством. Раскол нанес первый удар идеи Москвы как Третьего Рима. Он означал неблагополучие русского мессианского сознания. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого.

II

Реформа Петра была фактом настолько определяющим всю дальнейшую историю России, что по оценке ее разделились наши направления XIX века. Сейчас одинаково нужно считать неверной и устаревшей и славянофильскую и западническую точку зрения на дело Петра. Славянофилы видели в деле Петра измену исконным национальным русским основам, насилие и прорыв органического развития. Западники никакого своеобразия в русской истории не видели, считали Россию лишь страной отсталой в просвещении и цивилизации, западно же европейский тип цивилизации был для них единственным и универсальным. Петр раскрыл для России пути западного просвещения и цивилизации.

Славянофилы неправы были потому, что реформа Петра была совершенно неизбежной: Россия не могла дальше существовать замкнутым царством при отсталости военной, морской, экономической, при отсутствии просвещения и техники цивилизации. При этом русский народ не только не мог выполнить своей великой миссии, но самое его независимое существование подвергалось опасности. Славянофилы неправы были еще потому, что именно в петровский период истории был расцвет русской культуры, было явление Пушкина и великой русской литературы, пробудилась мысль и стали возможны сами славянофилы. Россия должна была преодолеть свою изоляцию и приобщиться к круговороту мировой жизни. Только на этих путях возможно было мировое служение русского народа.

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад. Они не видели того, что все же видели славянофилы, – насилия над народной душой, произведенного Петром. Реформа Петра была неизбежна, но он совершил ее путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями. И народ ответил на это насилие созданием легенды о Петре как антихристе.

Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины. Приемы Петра относительно церкви и старой религиозности очень напоминают приемы большевизма. Он не любил старого московского благочестия и был особенно жесток в отношении к старообрядчеству и староверию. Петр высмеивал религиозные чувства старины, устраивал всесущий собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в Советской России. Петр создал синодаль-

ный строй, в значительной степени скопированный с немецкого протестантского образца, и окончательно подчинил церковь государству. Впрочем, нужно сказать, что не Петр был виновником унижения русской церкви в петровский период русской истории. Уже в московский период церковь была в рабьей зависимости от государства. Авторитет иерархии в народе пал раньше Петра. Религиозный раскол нанес страшный удар этому авторитету. Уровень просвещения и культуры церковной иерархии был очень низкий. Поэтому и церковная реформа Петра была вызвана необходимостью. Но она была произведена насилинически, не щадя религиозного чувства народа. Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации.

Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем. Петр секуляризовал православное царство, направил Россию на путь просветительства. Этот процесс происходил в верхних слоях русского общества, в дворянстве и чиновничестве, в то время как народ продолжал жить старыми религиозными верованиями и чувствами. Самодержавная власть царя, фактически принявшая форму западного просвещенного абсолютизма, в народе имела старую религиозную санкцию, как власть теократическая. Ослабление духовного влияния официальной церкви было неизбежным результатом реформы Петра и вторжения западного просвещения. Рационализм проник в самую церковную иерархию. Знаменитый митрополит эпохи Петра Феофан Прокопович был в сущности протестантом рационалистического типа. Но в Петровскую эпоху это имело свою компенсацию в ряде святых, которых не знала московская эпоха, в старчестве, в подземной духовной жизни.

Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу. Русское барство XVIII века поверхностно увлекалось вольтерианством в одной части, мистическим масонством в другой. Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чуждую расу. Просветительница и вольтерианка Екатерина Вторая, переписывавшаяся с Вольтером и Дидро, окончательно создала те формы крепостного права, которые вызвали протест заболевшей совести русской интеллигенции XIX века. Влияние Запада первоначально ударило по народу и укрепило привилегированное барство. Такие люди, как Радищев, были исключением. Лишь в XIX веке влияния Запада на образовавшуюся русскую интеллигенцию породили народолюбие и освободительные стремления. Но и тогда образованные и культурные слои оказались чужды народу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века и даже до века грядущего, до XXI века. Россия XVIII и XIX столетий жила совсем не органической жизнью. В душе русского народа происходила борьба

Востока и Запада, и борьба эта продолжается в русской революции. Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она ни клялась западными теориями. Созданная Петром империя внешне разрасталась, сделалась величайшей в мире, в ней было внешнее принудительное единство, но внутреннего единства не было, была внутренняя разорванность. Разорваны были власть и народ, народ и интеллигенция, разорваны были народности, объединенные в Российскую империю. Империя с ее западного типа государственным абсолютизмом менее всего осуществляла идею Третьего Рима. Самый титул императора, заменивший титул царя, по славянофильскому сознанию был уже изменой русской идеи. Деспотический Николай I был типом прусского офицера. При дворе и в высших слоях бюрократии немецкие влияния были очень сильны. Основное столкновение было между идеей империи, могущественного государства военно-полицейского типа, и религиозно-messианской идеей царства, которое уходило в подземный слой, слой народный, а потом в трансформированном виде в слой интеллигенции. Столкновение между сознанием империи, носителем которого была власть, и сознанием интеллигенции будет основным для XIX века. Власть все более и более будет отчуждаться от интеллигентных, культурных слоев общества, в которых будут нарастать революционные настроения. Дворянство, которое было передовым и наиболее культурным слоем в начале и еще в середине XIX века, во вторую половину века будет понижаться в культурном уровне, делаться реакционным и должно будет уступить место разночинной интеллигенции, которая принесет с собой совсем иной, новый тип культуры. Отсутствие единства и цельности культуры выразится в том, что умственные и духовные направления XIX века будут разделяться на десятилетия и каждое десятилетие принесет с собой новые идеи и стремления, новый душевный уклад. И все же русский XIX век создаст одну из величайших в мире литератур и напряженную, своеобразную, очень свободную мысль.

Большая часть русского народа – крестьянство – жило в тисках крепостного права. Внутренно народ жил православной верой, и она давала ему возможность переносить страдания жизни. Народ всегда считал крепостное право неправдой и несправедливостью, но виновником этой несправедливости он считал не царя, а господствующие классы, дворянство. Религиозная санкция царской власти в народе была так сильна, что народ жил надеждой, что царь защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду. По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам. Для культурных классов, для интеллигенции народ оставался как бы тайной, которую нужно разгадать. Верили, что в молчаливом, в бессловесном еще народе скрыта великая правда о жизни и наступит день, когда народ скажет свое слово. Интеллигенция, оторванная от народа, жила под обаянием теллурической мистики народа, того, что народнические писатели 70-х годов называли «властью земли».

К XIX веку Россия оформилась в огромное, необъятное мужицкое царство,

закрепощенное, безграмотное, но обладающее своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерявшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем. Классы всегда в России были слабы, подчинены государству, они даже образовывались государственной властью. Сильными элементами были только монархия, принявшая форму западного абсолютизма, и народ. Культурный слой чувствовал себя раздавленным этими двумя силами. Интеллигенция XIX века стояла над бездной, которая всегда могла развернуться и ее поглотить. Лучшая, наиболее культурная часть русского дворянства чувствовала ненормальность и неоправданность своего положения, свою вину перед народом. К XIX веку империя была очень нездоровой и в духовном, и в социальном отношении. Для русских характерно совмещение и сочетание антинominических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Вопреки мнению славянофилов, русский народ был народом государственным – это остается верным и для советского государства – и вместе с тем это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина и Пугачева, революционная интеллигенция, анархическая идеология, народ, искавший нездешнего царства правды. В созданном через страшные жертвы огромном государстве-империи этой правды не было. Это чувствовал и народный слой, и лучшая часть культурного дворянства, и вновь образовавшаяся русская интеллигенция. Русское царство XIX века было противоречивым и нездоровым, в нем был гнет и несправедливость, но психологически и морально это не было буржуазное царство, и оно противопоставляло себя буржуазным царствам Запада. В этом своеобразном царстве политический деспотизм соединялся с большой свободой и широтой жизни, свободой быта, нравов, с отсутствием перегородок и давящего нормативизма, законничества. Это определялось основной устремленностью русской природы к бесконечности и безграничности. Ограниченность, раздельность, малость не свойственны были русскому царству, русской природе и русскому характеру. Мы увидим, что Россия не пережила ренессанса и гуманизма в европейском смысле слова. Но на вершинах своей мысли и творчества она пережила кризис гуманизма острее, чем на Западе. Русский гуманизм был христианским, он был основан на человеколюбии, милосердии, жалости, даже у тех, которые в сознании отступали от христианства. Весь петровский, императорский период существовал конфликт между Святой Русью и империей. Славянофильство было идеологическим выражением этого конфликта. В XIX веке конфликт принял новые формы – столкнулась Русь, ищущая социальной правды, царства правды, с империей, искавшей силы.

Глава I. Образование русской интеллигентии и ее характер. Славянофильство и западничество

1

Чтобы понять источники русского коммунизма и уяснить себе характер русской революции, нужно знать, что представляет собой то своеобразное явление, которое в России именуется «интеллигенция». Западные люди впали бы в ошибку, если бы они отожествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* – это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр. Совершенно другое образование представляет собой русская интеллигенция, к которой могли принадлежать люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще не особенно интеллектуальные. И многие русские ученые и писатели совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле слова. Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным миросозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличать его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями, и притом идеями социального характера. Во вторую половину XIX века слой, который именуется просто культурным, переходит в новый тип, получающий наименование интеллигенции. Этот тип имеет свои характерные черты, свойственные всем его настоящим представителям. В интеллигенции были типические русские черты, и совершенно ошибочно то мнение, которое видело в интеллигенции денационализацию и потерю всякой связи с русской почвой. Достоевский отлично понимал русский характер интеллигента-революционера и назвал его «великим скитальцем русской земли», хотя он и не любил революционных идей.

Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, но эта беспочвенность была характерно русской. Интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностью жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности. В России самодержавной и крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу. Литературные критики были властителями дум социальных и политических. Интеллигенция приняла раскольничий